

RU

Власть в условиях коммуникативной рискогенности сетевого общества

Квас А. Ю.

Аннотация. Цель исследования – выявление тенденций трансформации властных отношений в условиях рискогенной реальности сетевого социума, который формирует рискогенное пространство. В статье рассматривается коммуникативное измерение современного общества как пространство формирования и развития рискогенности – состояний неопределенности и нестабильности. Структура сетевых коммуникаций обеспечивает высокую динамику рисков, их взаимовлияние, что представляет вызов для института власти. Сама структура сети очерчивает новые контуры социального бытия и властных отношений, что проявляется в возросшей роли виртуального пространства, интернет-коммуникаций, во включенности субъекта в сетевые взаимодействия: возникает институт сетевого лидерства, конструируются новые сетевые государства, возникают новые морально-этические модели поведения. Научная новизна: выявлены трансформации власти под влиянием сетевых коммуникаций на институциональном, ценностном и субъектно-ориентированном уровне. Результатом исследовательской работы будет понимание тенденций трансформации коммуникационных процессов политической реальности в условиях сетевой структуры общества, формирующей рискогенное пространство.

EN

Power in the conditions of communicative risk-generation of network society

A. Y. Kvas

Abstract. The research aims to identify the trends of transformation of power relations in the context of a risk-generating reality of network society, which forms a risk-generating space. The article examines the communicative dimension of modern society as a space for the formation and development of risk-generating conditions – states of uncertainty and instability. The structure of network communications provides high dynamics of risks, their mutual influence, which poses a challenge to the institution of power. The structure of the network itself outlines new contours of social existence and power relations, which is manifested in the increased role of virtual space, internet communications, and the subject's involvement in network interactions: the institute of network leadership emerges, new network states are constructed, and new moral and ethical models of behavior arise. Scientific novelty lies in the following: transformations of power under the influence of network communications at the institutional, value, and subject-oriented levels have been identified. The research results in an understanding of the trends of transformation of communicative processes in the political reality under the conditions of the network structure of society, which forms a risk-generating space.

Введение

Актуальность исследования. В дискурсе социальных и гуманитарных наук исторически сложилось так, что ученые активно проявляют интерес к субстанциональным началам бытия: это может быть условная «точка отсчета», первоисточник, первоначало и т. д. Не исключением стала и сфера общественной жизни, в условиях разнообразия которой человек всё чаще сталкивается с необходимостью поиска фундаментальных начал социальной жизни. В истории социальной философии становится заметно, что подобными «источниками» социального бытия выступали многие элементы реальности: теория общественного договора, человеческая природа, специфика географических условий, биологические потребности. Все эти концепции прошлого пытались найти стартовую точку общественной жизни человека. Несколько иначе обстоят дела с современной социальной философией, в рамках которой ученый уже не тяготеет к поиску первоначала. Основным приоритетом деятельности философа становится некоторое фиксирование реальности, поиск основных структур, которые составляют фундамент общественной жизни человека. Подобные поиски являются своего рода вызовом для современной науки. И одним из ответов на данный вызов стала теория сетевого общества.

Задачи исследования: исследовать сетевое общество как пространство возникновения рисков, где коммуникационный фактор выступает их источником; изучить роль коммуникации в трансформации властных отношений; выявить тенденции изменений в пространстве власти.

Теоретическую базу данной статьи составили исследования в области проблематики сетевого общества (Кастельс, 2010; Сивоконь, 2015; 2016; Шенцева, 2011), социокультурного измерения коммуникационных процессов (Коллинз, 2002; Аникин, Бубнов, 2020), исследования коммуникационного измерения социальной рискогенности (Орлов, 2019; Иванов, 2019).

Методы исследования. В качестве методологической базы используется потенциал коммуникационного подхода (в исследовании властных коммуникаций, их сущности и проявлений) в интеграции с сетевой методологией (при анализе структуры общества и особенности социально-политической динамики).

Практическая значимость. Исследование тенденций трансформации стратегий власти в условиях коммуникационного пространства может быть основой для построения политических сценариев в современном сетевом обществе, результаты работы можно задействовать при формировании содержания дисциплин по социальной философии, философии политики и курсам политологической направленности.

Обсуждение и результаты

Для начала стоит отметить, что сеть далеко не всегда являлась понятием для методологической базы социально-философских исследований. Долгое время понадобилось для того, чтобы в ученых кругах исследователи оценили термин «сеть» не только как некоторую метафору, но и как серьезное понятие, обладающее мощным эпистемологическим потенциалом. В социальной науке XX века «сеть» как явление в научном дискурсе раскрывается в полном своем разнообразии: появляются отдельные сетевые направления исследований, формируется круг исследователей сетей, сама сетевая теория «обрастает» рядом дополнительных понятий и категорий. Среди наиболее значимых ответвлений сетевых теорий можем выделить акторно-сетевую теорию, теорию сетевого общества, теорию интеллектуальных сетей, теорию социальных сетей. Эти направления затрагивают чрезвычайно широкий спектр научных проблем: теорию коммуникации, социальную эпистемологию, этику, социальную онтологию. Одним из серьезнейших прорывом в социальных науках стало формирование теории сетевого общества. Несмотря на то, что существуют теории информационного и постиндустриального общества, концепция сетевого общества выходит на качественно новый уровень. Именно в рамках сетевого общества автор обращается к плоскости социальной онтологии; им осмысливается ряд трансформационных процессов, связанных с социальной коммуникацией. Несомненно, важным фактом является также и то, что именно в рамках сетевого общества осмысливаются феномены Интернета и цифровых коммуникаций. Эти два компонента жизни человека напрямую трансформируют и социальную среду, в которой действует человек и сообщество.

В устройстве современного сетевого общества (узлы и потоки, децентрализация и регенерация) определяющую роль играют процессы коммуникации, которые, с одной стороны, сформировали глобальную сетевую структуру, а с другой – поспособствовали созданию системы современных связей, влияющих на коммуникационные процессы. Сама сетевая структура приходит на смену иерархии. Если в условиях иерархических систем мы имеем дело с подчинением, четкой вертикалью власти и директивными коммуникациями власти, то в условиях сетевых реалий коммуникации меняются. Согласно характеристикам, сформированным в социально-философском дискурсе, сеть представляет собой структуру, состоящую из взаимосвязанных друг с другом узлов. Узлы являются субъектами общественных отношений, а те условные линии, связывающие узлы, называется рёбрами сети. Е. А. Шенцева, размышляя о специфике сетевых исследований в социальной философии, пишет: «Наиболее характерной чертой данных исследований является видение сети, сетевого устройства, исходящее от изначальной метафоры сети, в качестве ее основных узлов (элементов) преимущественно выступают или институты, или группы людей и т. д.» (2011, с. 100).

Современное общество тяготеет к прозрачности, мобильности взаимодействий, к их горизонтально-ориентированным форматам. На примере многих сфер общества мы наблюдаем, как сетевая организация становится актуальной и способной ответить на вызов микро- и макро-масштабов. Особенно ярко сущность сетевых коммуникаций проявляется в измерении властных отношений.

В условиях сетевого общества коммуникация является одним из ключевых властных ресурсов, ее доминанта позволяет говорить о коммуникационной власти, интегрирующей информационную и технологическую составляющую. Власть в лице базового института – государства – следует сетевой логике. В рамках этой логики реализуется процесс сетевой динамики: включаются и выключаются новые акторы структуры, происходит обмен информацией между участниками сетевых отношений. В процессе динамики коммуникационно-сетевого пространства генерируется рискогенность, как состояние, характеризующееся неопределенностью, нестабильностью, вероятностью. К одному из признаков сетевого общества относят активное развитие интернет-коммуникаций, где генерируются новые феномены. Например, в последние годы в сфере Интернета мы наблюдаем, как формируется новый пул инфлюенсеров – субъектов, которые представляют собой новый формат лидеров общественного мнения, формирующих актуальную информационную повестку. Власть в данном дискурсе проникает и в пространство виртуального: появляются новые модели допустимого поведения, формируется система ценностей и приоритета виртуальной жизни над реальной, возникают новые модели интерактивности. Формируется также и качественная новая реальность, конструирование которой

и происходит благодаря сетям. Подобного рода реальность является чрезвычайно подвижной и динамичной. В связи с этим власть как институт упорядочивает такие отношения, придавая им более стабильный и системный характер. Получается, что сеть активно экспандирует социальную реальность, а власть, в свою очередь, в соответствии со своими ресурсами старается успеть за подобного рода ускоренной динамикой.

Говоря о свойствах таких коммуникаций, нужно сказать следующее. С одной стороны, коммуникационно-сетевая структура обладает потенциалом к высокой регенерации, способностью сформировать новые связи с другими узлами сети, а с другой стороны, отличается ростом манипулятивных феноменов, становящихся ресурсами управления. На эту тему классик социальной теории Мануэль Кастельс пишет: «Поскольку отношения власти в современном мире структурированы в глобальные сети, социальные движения также действуют на глобальном уровне и ведут борьбу за умы людей, все более активно участвуя в процессе глобальной коммуникации» (2010, с. 20).

На фоне развития качеств сетевой коммуникативной реальности трансформируется субъектность власти, динамика решений, а также качество последствий. Контекст сетевой социальной реальности накладывает специфический отпечаток на свойства властных отношений. Власть приобретает качественно новые предикаты, которые было бы сложно представить в рамках иных социально-философских концепций общественного развития. Среди них: экспансия «политического» на иные сферы общественных отношений, переход власти в формат «цифры», усложнения самих властных коммуникаций путём включения большего количества акторов.

В рамках данного исследования целесообразно описать специфику власти как социокультурного явления в сетях, а также представить сценарии властных коммуникаций. Смысловым и концептуальным контекстом данного исследования будут являться условия не только сетевого общества, но и его коммуникативной рискогенности. Данное понятие связано с взаимодействиями участников сетевых отношений, межинституциональными коммуникациями, общностью мировоззренческих и ценностных оснований субъектов в сети.

Отмечая сложную структуру коммуникации риска, А. В. Иванов в своей работе утверждает следующее: «Как свидетельствует анализ современных теорий, риск как продукт взаимодействия различных систем – когнитивных, социокультурных, природных, технических – тесно связан с коммуникативными процессами, а также с особенностью различных ментальных, ценностных и стратегических установок субъектов, на основе которых последние принимают соответствующие решения» (2019, с. 252).

Целесообразной является дальнейшая характеристика рисков властных коммуникаций в условиях сетевого социума. Во-первых, необходимо отметить, что властная коммуникация в данном случае носит *бинарный* характер. Смысл заключается в следующем: властные коммуникации в условиях сетевого общества представлены как в очном, реальном взаимодействии, так и в виртуальном, то есть цифровом формате. Помимо этого, амбивалентность власти в сетевом обществе представлена тем фактом, что, с одной стороны, власть контролирует коммуникативные процессы в обществе для формирования конструктивного поля взаимодействий. С другой стороны, власть сама же и конституирует данные коммуникативные процессы. Контроль общественных процессов является закономерным следствием современных геополитических реалий. В условиях, когда любое государство конкурентно и способно подключить ресурсы разведки, шпионажа, пропаганды для получения стратегической информации, контроль общественных коммуникаций становится необходимой мерой государственной безопасности.

В пространстве же сетевого общества, которое пронизано цифровыми коммуникациями, власть объективируется и формализуется в символических образах в социальных сетях, в месседжах на форуме, в интернет-проектах и т. д. Вся сфера властных отношений становится охваченной коммуникационными основаниями, и, как справедливо отмечено, «не только сфера публичной политики во все возрастающей степени попадает в зависимость от процессов коммуникации, но и само коммуникационное пространство становится областью конкурентных отношений» (Кастельс, 2013, с. 120).

Во-вторых, результатом властных коммуникаций в сетевом обществе становится создание *сетевого государства*. Относительно характеристик подобного политического феномена у М. Кастельса находим: «Возникающее сетевое государство характеризуется разделением суверенитета и ответственности между разными государствами на разных уровнях правления, подвижностью управленческих процедур и большим разнообразием пространственно-временных отношений между правительством и гражданами по сравнению с предшествующей формой национального государства» (2016, с. 58). В условиях сетевого социума политические коммуникации становятся более плотными, насыщенными. Они включают межинституциональные взаимодействия различного формата, которые способствуют формированию единого коммуникативного и дискурсивного поля. Из-за специфики формата сетевых коммуникаций сфера политического включает в себя огромное количество акторов, которые зачастую придерживаются совершенно различных мировоззренческих ориентиров. Налицо серьезная ситуация, в том числе аксиологической рискогенности.

Ценностные основания являются неизменным базисом социального и политического поведения. С расширением «сетки политического» расширяется и многообразие ценностных установок политического процесса. Несмотря на то, что сеть напрямую связана с конфигурацией универсальности, пластичности и прозрачности, в данной ситуации рискогенность политической коммуникации является чрезвычайно высокой.

В-третьих, заключительной характеристикой коммуникаций власти в сетевом обществе можно назвать *дифференциацию самой власти*. Институт власти перестаёт существовать как недвижимый монолит, возникают следующие формы властных отношений: сетевая власть; власть сети; власть в сети; сетесозидающая власть. Они отличаются как на концептуальном, так и на функциональном уровнях. Однако в рамках данной работы важна не характеристика классификации, а сам ее факт. Сеть буквально «разделяет» тело института

власти, фрагментируя как политическое, так и коммуникативное пространство. Риски по данной линии представлены разнообразно. Серьезнейшие из них – большое интеллигентное пространство для манипуляций и злоупотребления властными отношениями. Ввиду гибкости и вариативности сетевой структуры зачастую человек позволяет себе соблазниться властным ресурсом сетевой организации. Параллельно данным процессам формируется *институт сетевого лидерства*. Он может быть представлен доминирующей институциональной структурой, которая конструирует и протоколирует социальные коммуникации. Также сетевое лидерство может получить и отдельный индивид, который завоевывает доверие сообщества, объективируя его в форме административного, властного или коммуникативного ресурса. Сама сетевая реальность диктует новые правила политического лидерства. Появление социальных сетей (к примеру, речь может идти про YouTube), тотальность интернет-сетей в рамках планетарного масштаба – всё это делает властные отношения более чувствительными к социальным триггерам. Наблюдается включение всё большего количества акторов в сетку политического. В свою очередь, сама власть начинает всё более активно осваивать пространство виртуального. Современность показывает, как активно себя ведут политические партии в социальных сетях, как политики разрабатывают стратегии создания собственного медиаобраза. Социальные сети, к примеру, предоставляют властным структурам возможность выстраивать собственный бренд, воспроизводить новое качественное коммуникативное поле для своей аудитории.

Заключение

Стоит отметить, что рискогенная природа властных коммуникаций детерминирована свойствами сетевой структуры. В сетевом обществе мы наблюдаем, как политические коммуникации превращаются в двоичный ход, охватывают всё более и более широкие горизонты социального бытия. Властные отношения позволяют человеку сохранить человеческую аутентичность в условиях изменяющегося мира. В целом нужно сказать, что сама сеть позволяет институту власти быть более пластичным, вариативным, многомерным. Однако это и является своего рода недостатком таких трансформаций, так как возникает много социальных «разрывов» между акторами; формируется пространство для политических манипуляций. Иными словами, в сетевом обществе риски коммуникации власти очевидны – они пронизывают всю общественную жизнь, не только выводя человека на территорию выбора и неопределенности, но и предоставляя новые возможности для человеческого сообщества. Новые форматы сетевых коммуникаций мы наблюдаем в измерении планетарного масштаба. Создаются новые экономические, военно-политические альянсы (к примеру, БРИКС, ОДК и ШОС), которые имеют потенциал для формирования нового многополярного сетевого мира. В основе подобных институтов лежит не только общее видение политических процессов в мире, но и общность мировоззренческих установок, которые, как правило, находят свое выражение в едином аксиологическом поле. В итоге мы имеем дело со сложной и динамичной социальной реальностью, которая пребывает в контексте повышенной рискогенности. Одновременно риски здесь связаны с серьезными социально-политическими возможностями, реализации которых способствует коммуникативный ресурс сетевого общества.

Само сетевое общество – это пространство для не только серьезнейших социально-политических рисков, но также это и пространство для возможностей и инноваций. В условиях сетевого взаимодействия трансформируются как фундаментальные онтологические категории (пространство и время), так и наиболее важные общественные институты, такие как власть, образование, здравоохранение. Пластичная и открытая структура сети дает возможность социальным субъектам создавать новые институты, регламентировать и рационализировать общественные коммуникации, а также исследовать социальную действительность исходя из тех позиций, которые познающий человек в ней занимает. В контексте сетевых реалий роль властных отношенийкратно увеличивается, что обуславливается самой спецификой сетевого общества. В условиях прозрачности, открытости и динамичности социальных систем институт власти берет на себя важнейшие функции регламентирования и протоколирования социального поведения.

Перспективами дальнейшего исследования выступают анализ институционального измерения трансформации власти в условиях сетевой рискогенности, выявление нормативных аспектов в коммуникационном пространстве власти.

Источники | References

1. Аникин Д. А., Бубнов А. Ю. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 1 (53).
2. Иванов А. В. Коммуникация риска: теоретические основания и современные дискуссии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. Вып. 3.
3. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
4. Кастельс М. Коммуникация, власть и контр-власть в сетевом обществе // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: сборник научных трудов. Серия «Теория и история социологии». М.: РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., 2010.

5. Кастельс М. Мануэль Кастельс о власти и коммуникации в сетевом обществе (сводный реферат) // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: сборник научных трудов. Серия «Информация. Наука. Общество». М.: РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., 2013.
6. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / пер. Н. С. Розова, Ю. Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
7. Орлов М. О. Многомерность цифровой среды в обществе риска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. Вып. 2.
8. Сивоконь А. С. Акторно-сетевой подход: истоки и перспективы в социально-философском дискурсе // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 1.
9. Сивоконь А. С. Сеть: от метафоры к онтологической константе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. Вып. 1.
10. Шенцева Е. А. Понятие «Сеть» как объект философского осмысления // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 2. № 2.

Информация об авторах | Author information

Квас Анна Юрьевна¹

¹ Саратовский государственный университет

Anna Yuryevna Kvas¹

¹ Saratov State University

¹ kvasann@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.09.2024; опубликовано online (published online): 28.10.2024.

Ключевые слова (keywords): власть; рискогенное пространство; сетевое общество; сетевая коммуникация; power; risk-generating space; network society; network communication.